

ИССЛЕДОВАНИЯ

Эннио Ди Нольфо

Флорентийский университет (Италия)

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Правильно определить идею *Истории Международных Отношений* можно, лишь получив некоторый опыт ее описания, который приводит исследователя к пониманию необходимости перехода от предмета *Истории Дипломатии* к намного более общему предмету *Истории Международных Отношений*.

В самом деле, с точки зрения социальной действительности, международные отношения возникли и развиваются вместе с историей человечества или, по меньшей мере, с историей отдельных социальных групп. Если принять определение, предложенное Рене Жиро, то можно согласиться с утверждением, что *мы имеем дело с международными отношениями всякий раз, когда какое-либо действие переходит границы определенного сообщества*.

Естественно, это определение должно затем объективироваться, уточняя природу рассматриваемого сообщества. Правда, количество сообществ или пересекаемых границ может быть практически неизмеримо, как это было в прошлом. Экономические, сельскохозяйственные, социальные, политические сообщества имеют каждое свои границы. Методологическая проблема состоит в том, чтобы определить объект исследования и природу субъектов, ограниченных рамками сообщества, чтобы понять, действительно ли именно переход границы порождает международные отношения.

Даже с подобным уточнением не возникает, однако, сомнения в том, что со времен доисторического общества до настоящего момента существовали однородные социальные группы, которые, взаимодействуя с другими группами, так или иначе решали проблему перехода границ. В плане историографии анализ поведенческих моделей, или таких «переходов», и есть, в широком смысле, История Международных Отношений.

Тем не менее, чтобы приблизиться к более современному определению, необходимо принять во внимание явления, характерные для нашего времени. Международные отношения существовали и в эпоху Египетской империи, и в Ассирийско-Вавилонской империи, и в другие периоды, расположенные далее по временной оси. Внешняя политика греческих полисов тоже была международной деятельностью.

Еще меньше сомнения может быть в том, что Римская империя была великой международной структурой. В конечном итоге, именно из универсалистской идеи Римской империи и ее слияния с универсалистской идеей Католической церкви начинают вырисовываться линии, представляющие собой

первый пример международного устройства, которое заслуживает исторического изучения. В широком смысле, вряд ли кто-нибудь захочет поспорить с тем, что трактат Юлия Цезаря «О галльской войне» и другие подобные ему произведения были в своем роде анализом международных отношений. Но проблема все же состоит в том, чтобы дать более современное и усовершенствованное определение этой дисциплины, отграничив ее область от других способов рассмотрения предмета и близких к ней научных теорий.

Можно сказать, что история международных отношений зарождается с появлением немецкой модели «научного историзма». На этапе зрелого немецкого национализма, благодаря Леопольду фон Ранке, а также Теодору Моммзену, историку Римской империи, и Генриху фон Трейчке, в Германии в XIX в. наступает расцвет научно-исторической историографии. Историография становится научной, потому что ставит перед историком проблему реконструкции фактов без опоры на предвзятые идеи. Ранке призывал к такому исследованию, которое ограничивалось бы пониманием того, «как по-настоящему происходили события», вместо того, чтобы заниматься составлением философских гипотез или вообще каких бы то ни было абстрактных теорий относительно прошлого.

Работа Ранке оказалась в своем роде очень революционной, так как впервые исследование было посвящено по преимуществу истории современной дипломатии и основывалось на *первичных источниках*, главным образом, отчетах венецианских послов. Такое понимание исторического анализа, строгого, но концептуально ограниченного, было подвергнуто жестокой критике как в отношении его содержания, так и в отношении источников. Остановить внимание на дипломатических отношениях означало приписать центральную роль в истории деятельности династических кругов и интригам двора, или же описывать деятельность искусных дипломатов, министров иностранных дел, послов, всякого рода высоких посланников. Это приводило к созданию некоего повествовательного полотна, состоящего из обмена мнениями, предложениями, встречными инициативами, характеристиками внешних ситуаций, исходящими из уст небольшого количества исторических личностей, представляющих собой деятелей международной жизни с XVI по XIX вв.

С того момента, как демократизация социально-политической жизни ограничила роль монархий и правительств в политической жизни, дипломатия еще в течение нескольких десятилетий продолжала быть тайной практикой, но все больше подпадала под демократический контроль. Демократический контроль означает обсуждение внешней политики, независимо от ее действующих лиц. Секретность дипломатических переговоров не могла воспрепятствовать развитию совокупности таких международных явлений, которые династии или дипломатия были не в состоянии удержать под контролем и которые имели и имеют растущую важность в дипломатической жизни и в международной политической жизни в широком смысле.

Ограничить историю международных отношений историей дипломатии, следовательно, значило и значит изучать только ту сторону действительности, которая на протяжении нескольких веков была представлена идеей

Европейского Соглашения, постепенно потерявшей свою реалистичность с наступлением эпохи индустриализации.

Строго дипломатической концепции истории международных отношений была противопоставлена жестокая, почти издевательская полемика со стороны французских ученых, в том числе Люсьена Февра, одного из основателей школы «Анналов», с легкой руки которых была создана карикатура на некий традиционалистский подход к истории дипломатии как к исчерпывающему инструменту изучения международной жизни.

Как раз эта критика позволяет раскрыть «веер» наблюдений и нюансов. Нет сомнения в том, что в рамках чистой истории дипломатии многие авторы создали труды большой научной значимости, однако в настоящее время, из-за появления новых явлений, они уже не представляют абсолютной ценности.

Такие авторы, как Альбер Сорель, Рене Клеман, Эмиль Буржуа, Уильям Лангер, Уильям Н. Меддликот, Хэролд Темперли, Чарлз К. Уэбстер, Р.В. Сетон-Уотсон, У. Онкен, Луиджи Альбертини, Луиджи Сальваторелли (цитируем здесь лишь некоторых крупнейших авторов, труды которых вышли с конца XIX в. до начала второй мировой войны), предложили исследователям достоверные и глубокие интерпретации различных этапов европейской и мировой дипломатической истории. И все же их работы больше не удовлетворяют современным требованиям и не могут считаться достаточными.

Карло Мария Чиполла недавно написал: «Отношения, которые связывают между собой экономические, социальные, политические и технологические переменные, очень многообразны, тонки, часто сложны или вообще не поддаются измерению. То, что видно и можно измерить, – это конечный результат; но вся сложная игра реакций и взаимодействий, которая стоит за ним, по большей части ускользает от анализа... и все же необходимо предпринять попытку распутать сложнейший и загадочный клубок: не только из чисто исторического интереса, но и чтобы приблизиться к пониманию того, как функционируют человеческие сообщества».

Именно эта потребность понимания подкрепляет необходимость разграничения. Сейчас уже должно быть очевидным, что под *Историей Дипломатии* понимается только историографическая реконструкция отношений между династиями, дипломатическими корпусами, дипломатическими представителями, министрами иностранных дел; в общем, это логика развития событий, построенная на выявлении политико-дипломатических проблем и их дальнейшего развития, логика развития событий, которая абстрагируется от их контекста и принимается в качестве самостоятельного аспекта исторического знания. Несмотря на критику, обращенную против такого подхода, остается фактом, что большую часть историографической работы, которая осуществляется в рамках более общей истории международных отношений, можно свести к этой категории.

Близким понятием, но лишь на первый взгляд, является *История внешней политики*. В целом речь идет о том, чтобы при помощи историографии объяснить, каким образом сформировалась внешняя политика какой-либо страны. Очевидно, что такое исследование соответствует, во-первых, природе действующих лиц, осуществляющих международную деятельность, затем внешнему контексту, в котором развивается эта деятельность, а затем внутрен-

нему контексту, который позволяет формировать определенную международную, или внешнюю, политику. Кажется ясным, что, при всей важности международного контекста, с которым должна соотноситься внешняя политика, ход процесса принятия решений в этой области вытекает прежде всего из переменных, действующих внутри субъекта внешней политики. Этими величинами являются личностные, культурные, экономические переменные, а также традиции и пр. Следовательно, изучение внешней политики может считаться одним из аспектов исследования международных отношений только в жестко ограниченных рамках. В сущности, оно касается внутренней политики каждого субъекта международной системы. Если привести очень известный пример, то книга Федерико Шабо о *Предпосылках истории итальянской внешней политики* посвящена углубленному и очень внимательному исследованию культурной дискуссии в Италии по поводу глубинных проблем международной политики унитарного государства, но именно поэтому она и является анализом, спроецированным по преимущественно внутрь, на то, как подготавливались или вырабатывались решения по международным вопросам, и, таким образом, представляет собой историографию, тесно связанную с более общей темой образования итальянской национальной культуры.

Другой предмет, или другое название, близкое к рассматриваемой здесь тематике, – это *История международного права*. В данном случае объектом своей работы историк избирает международные юридические формы, такие как, например, договоры, конвенции, нормы соглашений или традиционные нормы, или большие и малые международные организации, и изучает историко-политический аспект всех этих институтов, или, точнее, норм, которые их составляют, а также процедур, которые приводят к эволюции отдельных институтов, с целью рассмотреть, каким образом международное устройство развивается в определенных направлениях.

Только что рассмотренное определение приблизило нас к названию предмета *Истории соглашений и международной политики*, которое и поныне используется в качестве синонима Истории международных отношений, по крайней мере в Италии. В узком смысле История соглашений должна представлять собой реконструкцию того, как отдельные нормы, содержащиеся в каждом конкретном международном соглашении, складываются в итоге в определенную форму. Но уже здесь становится очевидным, что анализ некоторых норм, не являющихся строго протокольными, но приобретающих политическую значимость, если их включить в определенные договоры, заставляет изучать контекст, внутри которого были выработаны эти нормы, или же изучать то, каким образом в письменных формулах «выкристаллизовалась» сложная и разнородная по своей природе реальность, неизбежно коренящаяся в длительном политическом процессе.

История соглашений, следовательно, представляет собой что-то вроде моста, соединяющего между собой международное право, историю дипломатии и историю международных отношений. Близость к письменным нормам долгое время заставляла рассматривать историю соглашений как род вспомогательной дисциплины по отношению к *международному праву*. Однако расширение горизонта критики привело к кризису этой ошибочной трактовки.

В этой связи стоит обратиться к истокам данного раздела историографии. Их невозможно не связать с изменениями международного устройства, произошедшими с середины XVII до XIX вв. Вестфальские соглашения 1648 г. выявили общее желание разных европейских государств придать их взаимным отношениям более стабильный характер, чем в прошлом. Именно тогда и зародилось то, что было названо затем *Европейским согласием*. Однако, чтобы существовать не только в теории, но и на практике, европейское согласие должно было основываться на всей совокупности норм, включая нормы международного права, а не только на нормах, установленных договорами.

В ту эпоху началось исследование исторических и даже метаисторических истоков международного устройства. Это были десятилетия дискуссий по поводу существования некоего *jus gentium*, основанного на естественном праве или организованного по желанию людей. В то же время получила распространение практика опубликовывать все более внушительные сборники договоров и прочих дипломатических документов, с целью отыскать в этих «прецедентах» объективные критерии, служащие последующему нормативному производству.

В числе этих сборников, преследующих часто спекулятивные цели, сначала вышла серия небольших и частных сборников, вслед за которыми к концу XVII в. начали появляться все более объемистые и обобщенные издания. Первое из этих собраний принадлежит Фредерику Леонарду и называется «*Recueil de tous les traites modernes*» — «Собрание всех современных соглашений», касающееся мирных договоров в Нимвегене в 1678 г. и в Мюнстере в 1693 г.

Десять лет спустя тот же автор опубликовал другое собрание соглашений, включавшее в себя «все мирные договоры, перемирия, соглашения о нейтралитете, договоры о союзнничестве, торговые соглашения и т.д., заключенные Королем Франции со всеми Государями и Властителями Европы». Труд Леонарда вышел в семи томах и содержал, среди множества документов, девятьсот соглашений. Обычно такая работа требовала тщательного исследования, потому что публикуемые документы до этого были неизвестны. В том же 1693 г., по поручению царствующей династии Брауншвейга, Готтфрид Вильгельм фон Лейбниц опубликовал *Codex Juris Gentium Diplomaticus*, который содержал акты, касающиеся европейского общественного права в период с 1096 по 1497 гг., среди которых немалую часть составляли соглашения. Однако самым важным произведением в эти годы стал труд, опубликованный Томасом Раймером, и называвшийся *Foedera, Conventiones Literae Et Cuiusque generis Acta Publica, Inter Regis Angliae. Et Alios Quosvis Imperatores... Ab anno 1101, Ad Nostra Usque Tempora*.

Этот труд, вышедший в семнадцати томах между 1704 и 1717 гг., многократно переиздавался и обладал особенными чертами. Прежде всего, книга содержала обширный материал, в который были включены также акты, по своему содержанию выходящие за рамки, установленные составителем. Во-вторых, работа предлагала такие тексты, чья достоверность, по сравнению с другими собраниями того же времени, оказывалась весьма высокой, так как Раймер не только имел возможность сравнивать с оригиналом уже известные тексты, но и собрал большой объем новых документов, не имевший аналогов в предыдущих публикациях.

И все же, наибольшего внимания заслуживают два других величайших труда, написанных в этом жанре, а именно собрания Дюмона и Мартенса. Жан Дюмон в 1726-1731 гг. выпустил свой *Corps Universel Diplomatique du droit des Gens; contenant un recueil des traites d'alliance, de pais... depuis le Regne de l'Empereur Charlemagne, jusqu'a present*, в восьми фолиантах, в которых подытоживается богатейшая историографическая документация, собранная в результате исследования источников, касающихся отношений между государствами.

Важность произведения Дюмона, впрочем, затмил труд Георга Фридриха фон Мартенса, который с 1791 по 1835 гг. опубликовал ряд собраний в нескольких томах, озаглавленных *Recueil des principaux traites d'alliance, de paix... depuis 1761 jusqu'a nos jours*, которые дополнялись произведениями его последователей и продолжались затем другими авторами вплоть до 1942 года.

Перечисленные собрания соглашений были результатом частных инициатив и, как уже говорилось, объединялись единой задачей найти в источниках общие элементы, необходимые для того, чтобы разработать основы международного права. Начиная со второй половины XIX в., отдельные государства также начинают публиковать сборники соглашений, в которых они участвовали. Когда в 1920 г. начала свою работу Лига Наций, одновременно начала действовать статья 18 ее устава, которая предусматривала обязанность всех стан-участниц регистрировать у секретаря организации все заключенные ими международные соглашения и договоры под угрозой исключения, в то время как секретарь, в свою очередь, должен был принять надлежащие меры по их публикации. Результатом всего этого стало огромное международное собрание документов под редакцией самой Лиги Наций, которое вышло в свет в общей сложности в 205 томах, появившихся между 1920 и 1946 гг., под названием *Recueil des traites et des engagements internationaux registres par le Secretariat de la Societe des Nations, Genevra 1920-1946*. Далее, статья 102 Хартии Объединенных Наций также предусматривает обязательство регистрации международных соглашений или договоров у Секретаря ООН, под угрозой отмены силы действия тех договоров, которые окажутся незарегистрированными в каком-либо органе организации. Эта норма вызвала к жизни собрание документов под названием *United Nations. Treaties series ... 1946 e successivi*, публикация которых началась в 1946 г. и которые ежемесячно насчитывают огромное количество томов, сейчас превышающее тысячи.

Именно это новшество, то есть наличие такого большого объема нормативных источников, адресовало историков международной жизни к анализу формальных или формализованных ситуаций. Отсюда и тенденция воспринимать историю дипломатии прежде всего как историю соглашений.

Как раз такая операция, впрочем, помогает увидеть переходный характер концепции, некоторое время лежащей в основе определения «Истории соглашений». Один из наиболее интересных итальянских авторов довоенного периода, Антон Мария Беттанини, в своей книге 1944 г. назвал историю соглашений «дисциплиной по существу юридической, чьи отношения с историей дипломатии ограничиваются использованием одних и тех же источников». Но уже появилось и другое видение научного определения предмета. В 1941 г. Санти Нава, доцент Сиенского университета, писал, что объект истории

соглашений — это «заставить ожить заново, в своем внутреннем развитии и в контексте событий и идей, в которых она зарождается, ту сферу человеческой деятельности, которая улаживает разногласия между суверенными политическими коллективами и определяет нормы их взаимного поведения. Эта дисциплина, следовательно, изучает соглашения с целью познакомиться с ними с точки зрения их происхождения, а значит, с учетом всех сопутствующих событий». В действительности, история соглашений изучает как внутреннюю историю договоров, так и их взаимосвязи, трансформации, эволюции. Поэтому она выступает в качестве дисциплины глубоко историографического характера, а также близкой к интересам юридического свойства.

Эта дискуссия представляет важность, поскольку касается также источников истории международных отношений. Но не всех источников; и это послужит толчком для возобновления дискуссии в надлежащее время. Здесь следует заметить, что политическая, или политико-юридическая, динамика Европейского Соглашения составляет одну из самых увлекательных тем для истории дипломатии; она выглядит как некая концептуальная линия, в соответствии с которой Соглашение вырабатывает все более точные законы, претерпевая постепенные превращения, которые приводят его в 1815 г. к Европейской Директории, далее, в 1920 г., к Лиге Наций и, наконец, в 1946 г., к Организации Объединенных Наций. Эти институты имеют юридическую значимость и занимаются рядом политико-юридических проблем. Однако, кроме юридической формализации, природе Европейского Соглашения и всех последующих его модификаций, всегда была присуща одна особенность, а именно тот факт, что субъекты, принадлежащие к одной и той же организационной структуре, действовали согласно законам этой организационной структуры. Если перевести эту идею на политический язык, то мы увидим, что понятие поведения, обусловленного правилами принадлежности, выходит далеко за рамки права и позволяет ввести понятие *системы*. Система в широком смысле слова означает совокупность правил, которые не просто где-то записаны, а явно или неявно выполняются рядом субъектов, принадлежащих, вследствие этого факта, к рассматриваемой системе. Этой системой может быть международная, экономическая, политическая, система коммуникаций и т.д., согласно разнообразным и многочисленным значениям слова *система*.

Эволюция международной политики и социально-экономической истории мира открыла новые возможности в использовании понятия системы в качестве эвристического инструмента, для объяснения самой сложной реальности. Действительно, развитие экономико-политической истории вызвало ряд трансформаций, которые привели к интернационализации многих тематических профилей, еще несколько десятилетий назад считавшихся ограниченными рамками внутринационального, если не регионального контекста. Достаточно вспомнить, например, об интернационализации экономики, которая нашла свое выражение в колонизации и в национальной, сверхнациональной и международной интеграции; далее, об интернационализации торговли, политики; о том, что процессы демократизации все чаще выходят за рамки одной нации; о том, что демографические процессы проецируются далеко за пределы национальных или государственных границ; о том, что стали

привычными международные перевозки наземным, водным или воздушным транспортом; о том, что технологический рост и последовавшая за ним технологическая революция могут восприниматься лишь, если забыть о существовании национальных или государственных границ; наконец, достаточно привести очень известное определение земного шара как «глобальной деревни», в которой все человечество едино и взаимосвязано, и тогда мы получим общее представление о том, насколько интернационализация проникла в жизнь земного шара и в какой степени все международные отношения имеют глобальный характер или потенциальную глобальную значимость.

Только что изложенные соображения приводят к утверждению, что, в то время как история дипломатии или история соглашений подразумевали непреодолимые географические барьеры и столь же непреодолимую ограниченность компетенции, история международных отношений, понимаемая в широком смысле, касается социально-политической жизни всего земного шара. И это превращает данную дисциплину из объекта не самого главного историографического интереса, из отдельного раздела историографии, из «служанки» правовых дисциплин в объект предварительного исследования, которое должно предшествовать изучению любой другой историографической тематики, по крайней мере в понятийном плане. Стремительная эволюция последних десятилетий показывает, что история международных отношений пользуется превосходством в отношении любого другого вида исторического знания, представляя собой рамку, внутри которой размещаются отдельные события.

Это смещение акцентов, выдвигающее на первый план одну отрасль знаний и, абстрактно говоря, сокращающее значимость других, стало объектом постепенного осознания со стороны историков. Критика, развернутая историками *Анналов*, сыграла свою роль в том, чтобы заставить историков дипломатии выйти за пределы их ограниченной области исследования. Но она показала и то, что материал для изучения в принципе может оказаться бесконечно огромным. Историография колониализма пыталась отчасти упорядочить и решить эту проблему отсутствия границ, рассматривая природу колонизации как международного акта то с точки зрения политики державы, то с точки зрения товарной экспансии, то с точки зрения вывоза капиталов. Французская школа, главным представителем которой был Пьер Ренувен, выдвинула теорию *Глубинных сил* как ведущего элемента для любого исследования в сфере истории международных отношений. Ренувен говорил о медленной эволюции человеческого общества, представленного прежде всего в демографической и экономической сферах, в сфере коллективной психологии, в области великодержавной политики и, наконец, в роли величайших военных кризисов как моментов ускорения исторического процесса. «В поиске объяснений, – говорил Ренувен, – который остается фундаментом исторической работы, наибольшая ошибка состоит в изолированном рассмотрении этих факторов, при котором одному из них отдается приоритет или устанавливается иерархия ценностей».

Следует, однако, заметить, что, пытаясь понять глубинные силы, действующие в истории, Ренувен одновременно устанавливал отличия и производил ряд исключений, благодаря чему его объяснения, возможно, и были спра-

ведливы для того времени, когда писалось исследование (приблизительно в годы с межвоенного периода до первых лет после второй мировой войны), но не позволяли его теории охватить последующие инновации, которые остались за рамками доктрины, применявшейся, как это часто бывает, слишком схематично, чтобы быть вполне убедительной.

К этому следует добавить, что теория *Глубинных сил*, как заметил итальянец Марио Тоскано, не принимает в расчет некоторые существенные элементы международной политики, а именно понятие «международной картины». или, как сказали бы сегодня, международной системы как особой точки зрения, отделенной от точек зрения национальных инстанций и такой, которая обеспечивала бы совокупное видение. Кроме того, по мнению того же Тоскано, историк, который в своем исследовании делает упор на *глубинные силы*, рискует пренебречь или, в лучшем случае, недооценить роль отдельного человека. Действительно, *глубинные силы* – это почва, на которой разворачивается человеческая деятельность, но это не умаляет значимости человеческого элемента. Во-первых, потому что государственные деятели являются носителями субъективной интерпретации, которая, вполне вероятно, может не соответствовать действительности, но которая, тем не менее, является фундаментальным элементом, поскольку объясняет, каким образом политический деятель воспринимает поле своей деятельности. Во-вторых, очевидно, что люди действуют не на основе идеальных импульсов и не в рамках широкомасштабных органических схем. а часто испытывают на себе давление обстоятельств, интересов личной выгоды, ошибочных представлений, мнений самых разных личностей и авторитетов. Чтобы не потерять из виду конкретные аспекты международных отношений, следует принимать во внимание и некоторые другие элементы, которыми доктрина глубинных сил может пренебречь. Отметив это, еще раз подчеркнем, что главным минусом теории Ренувена остается схематизм, существенно ограничивающий сферу ее применения.

Такое заключение возвращает нас к началу разговора. Отбросив слишком узкие понятия *Истории дипломатии* и *Истории соглашений*, мы имеем дело с оставшимся понятием Истории международных отношений, но оно представляется таким обширным и неопределенным, что может применяться по отношению к бесконечному разнообразию явлений. Очевидно, что, для того чтобы избежать риска случайных обобщений или заимствований из наук, не представляющих значимости для работы историка, следует выявить элементы, на основе которых можно установить границу истории международных отношений, то есть, другими словами, найти специфические элементы, присущие на современном этапе тому, что понимается под *Историей международных отношений*.

Естественно, можно было бы не заниматься этой проблемой и остаться в рамках традиции, не подвергая свою работу никакому критическому переосмыслению, поддавшись, например, умственной инерции или опасаясь научного вакуума. Или же последовать призыву некоторых модных тенденций и искать структурное объяснение явлений, которые настолько новы, что не могут быть поняты без применения нового подхода. По этому поводу уже долгое время идет оживленная дискуссия, в ходе которой ученые пришли к мысли о необходимости междисциплинарной работы, без смещения целей и

задач, способной вернуть историю, как науку, основывающую свои обобщения на произвольных логических процессах и выстраивающую свои классификации на случайных логических формулах, в лоно других гуманитарных наук, таких как социология, политическая наука и особенно *Теория международных отношений*. История имеет свою собственную систему координат, которая состоит в потребности объяснить определенное событие или определенный ход событий, однако в процессе формулирования объяснения ее линии не могут не пересекаться с традиционными науками, забираясь иногда далеко вглубь посторонней дисциплины. Впрочем, нужно сказать, что может иметь место и противоположная тенденция. То есть, может оказаться, что ученый, стараясь найти обобщения, впадёт, наоборот, в чистые объяснения, если не в описание или перечисление особых случаев, и из-под его пера выйдет повествование, которое не прибегает к абстрактным понятиям или, если можно так выразиться, к научным законам.

Чтобы приблизиться к сути проблемы, нужно будет еще уточнить, что ни один случай в истории нельзя объяснить при помощи *исторической интуиции*, поскольку если она и существует, то лишь как псевдоопределение альтернативных когнитивных процессов. То есть, в действительности не существует такой способности исторического понимания, которой были бы наделены одни люди в большей, а другие в меньшей степени, нельзя интуитивно сделать верные выводы, если не опираться на теорию, не использовать ее практику постановки полезных и значимых вопросов перед совокупностью имеющихся источников. Эти вопросы помогают увидеть, что, для того чтобы выйти на менее приблизительный уровень знания и достичь некоторой осведомленности, необходимо двигаться согласно определенному теоретическому и практическому интересу. Это еще более подчеркивает важность проблемы определения границ истории и ее точек соприкосновения с другими областями науки, имеющими тот же объект изучения, а именно международную жизнь. Общий объект исследования предполагает общие требования, но не исключает необходимых различий. Общим требованиям является, в частности, необходимость определить понятие международной жизни, или международной действительности, которое является одним из основных, а также установить рамки собственного метода работы и устранить размытость и взаимное наложение терминов, которое тормозит исследование.

Существует по крайней мере три крупных отрасли гуманитарных наук, объектом которых также может оказаться международная жизнь, а именно экономика, право и политическая наука. Это происходит, например, когда они изучают экономические, юридические или политические явления, которые характеризуют отношения, складывающиеся в результате перехода той границы, о которой говорилось выше, или системы отношений, которые формируются вследствие такого перехода; в таких случаях международная действительность изучается в синхронном разрезе и с номотетической целью, то есть с целью выработать общую нормативную гипотезу. История международных отношений имеет ту же задачу, но не может уклониться от изучения явлений в диахроническом аспекте, даже когда речь идет об истории отдельных точек пересечения. Она постоянно превращает близкие ей науки в свой инструмент, и

сама используется ими в качестве инструмента, когда служит источником ценной казуистики для подтверждения той или иной мысли.

Попытка преодолеть эти различия через ограничение предмета, выдвигая на первый план какую-то одну отрасль научного знания или приписывая превосходство историческому знанию, возможно, не принесла тех результатов, которых ожидали несколько десятилетий назад. Проекты синтеза интерпретаций патолкнулись на упорство и постоянство частных исследовательских интересов. Следовательно, надлежит четко установить именно различия, чтобы результат совпадения оказался более отчетливым и, соответственно, легче синтезируемым. Другими словами, теоретики гуманитарных наук знают, что изучаемые ими факты международной жизни не висят в воздухе, а расположены в цепочке событий, связанных одно с другим и не поддающихся фальсификации; а историки знают (вероятно, их можно упрекнуть в том, что иногда им стоит знать и побольше), что в их исторические реконструкции всегда вплетаются понятия, заимствованные из смежных отраслей научного знания. Только для того, чтобы привести пример, скажем, что тому, кто хотел бы заниматься такой обширной темой, как Ялтинская конференция 1945 г., может быть интересно изучить, как на ней был достигнут компромисс, который затем привел к созданию Организации Объединенных Наций; он может изучать механизм функционирования встречи в верхах и сопоставлять его с аналогичными эпизодами, чтобы вывести теорию конференций на высшем уровне; он может, в отличие от этого, проследить, каким путем шло достижение договора, то есть каковы конъюнктурные причины, благодаря которым стал возможен компромисс по поводу ООН. Это три разных подхода к одной и той же теме. Каждый из них отталкивается от самостоятельной научной перспективы или самостоятельного предложения; каждый имеет целью осветить один аспект этой реальности, чтобы прийти к результату, который займет свое место либо в теории, либо в исторической реконструкции; никто не имеет права отвергать точку зрения чужого исследования или умалять его значение, рассуждая с позиции своей отрасли знания.

Итак, мы снова возвращаемся к необходимости обсудить утверждение, сделанное выше, согласно которому понятие системы постепенно приобрело свою эвристическую плотность в области международных отношений и их историографии. Теория систем была заимствована из математических наук. В гуманитарных науках система подразумевает существование ряда субъектов, которые ведут себя так, *как если бы* они принадлежали к одному и тому же порядку регламентации, то есть которые подчиняются одним и тем же правилам. Разные системы могут сосуществовать и взаимно противопоставляться. Международная система – это совокупность субъектов, которые порождают сетку международных отношений. Эта тема может изучаться как с позиции теоретического интереса, так и с позиции интереса историка, который ставит своей задачей не построение обобщений, а, напротив, использует обобщения для того, чтобы задать существенные вопросы в отношении отдельных событий или их групп. Иначе говоря, использование понятия системы в международной жизни предполагает, что сами участники этой международной жизни действуют не под влиянием случая, а на основе потребности

стей, объективных ситуаций, личных настроений, глубинных сил, представляющих собой, в некотором смысле, тропинки, вдоль которых развиваются и складываются системные поведения, то есть поведения, ставшие однородными благодаря осознанию, пусть неявному, того, что каждое из них имеет последствия для *другого*, «не такого, как я». Каждое из них, другими словами, порождает международные отношения, потому что «не такой, как я» – это субъект, находящийся за пределами того пространства, которое считает своим другой субъект. Естественно, возникает представление о том, что прототипом истории международных отношений была история некоей исключительно нормированной или жестко структурированной международной системы, однако это предположение принадлежит сейчас к сфере утопий, а поведения отдельных участников, наоборот, следуют не письменным нормам, а правилам, которые накручиваются на определенные вероятности, по отношению к которым они стремятся быть либо однородными, либо несходными в той или иной степени. Работа историка, в таком случае, состоит в рассмотрении и объяснении как однородности, так и расхождений.

Наконец, очевидно, что история международных отношений может и должна касаться самых разнообразных аспектов человеческой деятельности, но не может не сосредоточить свое внимание на главной стороне этой деятельности, а именно на политическом аспекте. Почти всегда история международных отношений – это политическая история, дополненная знаниями об эволюции глубинных сил (как в смысле, указанном Ренувеном, так и в самом общем смысле).

Источники истории международных отношений

Рассматривавшийся до сих пор вопрос предполагает, что количество источников международных отношений и их историографии почти бесконечно. Это политико-дипломатические, экономические, демографические, культурные, туристические, спортивные и прочие источники. Тем не менее, если двигаться от примата политической реконструкции, то есть реконструкции событий, касающихся международных политических отношений, то некоторые источники оказываются первостепенными, тогда как все другие по значимости отходят на второй план.

Таковы соображения, еще раз показывающие связь между историей как формой знания вообще и специализированными историями как попытками рассмотреть всю область с какой-то одной точки зрения.

Нужно всегда четко осознавать, что то, над чем работают, – это и есть точка зрения. Намеренно обрезать нити, которые связывают со всем, что окружает, превращается в акт автоцензуры, и это, в конечном итоге, заметно уменьшает важность специализированной работы. Однако, говорить так вовсе не означает призывать к обобщенной истории, в которой пласты знания смешивались бы немного случайно, под влиянием предвзятых идей или соблазна эклектики, а лишь свидетельствует об отчетливом понимании необходимости работать, *держась открытыми границы* собственного исследования для достижений других наук, функциональных для научного профиля собственных изысканий.

Здесь я в намеренно усложненной форме намекаю на феномен, который управляет всеми изменениями современного общества, а именно на глубину технологических и экономических изменений как источник социального

изменения, следствием которого становится растущее участие масс, прямое или направляемое сверху, в социально-политической жизни и усиление их влияния на события международного плана. Изоляция в рамках чисто дипломатических источников препятствует оценке контактов с людьми, материальными объектами, идеями, восприятиями, образами, традициями, которые в них преломляются. И, наоборот, с подобающей осторожностью прорубить просеки в другие дисциплины, соблюдая в каждом случае свои правила искусства, означает суметь сплести в единую ткань тонкую нить повествования, с помощью которой ученый пытается восстановить прошлое международных отношений (или даже только дипломатических). В действительности, было бы абсурдом и добровольным самоограничением закрыть себе доступ к ресурсам современной науки: похоже на реставратора, который отвергает вклад современной химической науки, чтобы остаться верным эпохе реставрируемой картины.

Особенности дипломатических источников

Пришло время еще больше углубиться в тему богатства дипломатической документации, имеющейся в распоряжении историка. Это богатство практически можно назвать изобилием, если учесть, во-первых, что имеющийся материал представлен двумя рядами источников: 1) опубликованных / неопубликованных и 2) относящихся к отдаленному прошлому / современных; и, во-вторых, если принять во внимание качественное изменение природы самих источников.

В этой связи необходимо кратко проиллюстрировать примеры разных типов источников, на которые обычно ссылаются, чтобы дать содержание анализу указанных рядов. В переиздании *Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato* («Донесения венецианских послов Сенату») Анджело Вентура недавно дал следующее определение этим документам: «Классическое венецианское донесение представляет собой аккуратную и обычно проницательную антропогеографическую и политическую картину, в которой страна и народы, конституция и внутренние политические события, милиция, общественные поступления и траты, характер правителей, членов их семей и государственных чиновников, глубинные тенденции внешней политики описываются и комментируются здравомыслящими, опытными и вообще хорошо информированными людьми». В самом деле, достаточно прочитать, например, донесение, присланное Марко Фоскари в 1527 г. из Флоренции, чтобы увидеть огромное богатство впечатлений, передаваемых правительству Венецианской Республики на 95 печатных страницах. Этот доклад весь пронизан характером эпохи: в нем присутствует кропотливое и аккуратное исследование месга, собраны все необходимые элементы, для того чтобы составить полную картину, в которой описываются, как уточнял сам Фоскари, «институты и образ правления, силы и власть, действия и привычки похвальные и действия вредные, а также все другие качества города и республики Флоренции, которые считаю уместным здесь изложить...».

Природа этого типа источника ясна. Она вытекает из работы отдельного персонажа и из его личной способности (или отсутствия таковой) обеспечить себя сетью нужной информации, из которой затем составляются сложные целостные картины. Такая работа характеризуется очень низкой периодичностью, так что донесение долгое время служит единственным источником сведений о данном месте. Иначе говоря, речь идет о кратких моногра-

фиях, в научном характере которых можно справедливо усомниться, но на политическую проницательность которых можно уверенно положиться.

Тем не менее, тогда дипломатия переживала свою молодость, а дипломатическая документация только зарождалась. Возможно, дипломатические документы принадлежали скорее к литературному жанру, чем к бюрократическому. С XVII в. до первой мировой войны дипломатия переживала свою золотую эру, а дипломатическая переписка из жанра, который еще сохранял свой литературный декор, но был вынужден приспосабливаться к новому темпу корреспонденции, ускоряющемуся по мере приближения нашей эпохи, превратилась в почти ежедневные отчеты по поводу того или иного вопроса. Это превращение, конечно же, напрямую связано с технологической эволюцией средств коммуникации, то есть с длительностью доставки дипломатического документа: например, из Вены в Лондон сообщение шло несколько дней на почтовых лошадях или несколько часов телеграфом, а сейчас, когда наступила эра телефонной или телефаксовой связи, оно мгновенно достигает адресата.

Этот тип документов хорошо знаком ученым, так как он широко представлен в собраниях разных времен: сначала это были документы, собранные по случайному принципу, затем появились систематические собрания, представленные большими и заслуженно известными коллекциями опубликованных источников, касающихся прежде всего больших европейских конфликтов и двух мировых войн. Сейчас к этим документам добавились материалы времен «холодной войны», охватывающие период примерно до 1960 г. Структура новых документов не имеет ничего общего с депешами XVI в. Дипломаты редко останавливаются на аналитическом описании стран, в которых они аккредитованы, потому что теперь это известно из других источников. Встречаются попытки представить политический синтез на тему конкретной ситуации, однако все чаще документ становится уточнением уже известной картины, к которой он добавляет отдельные детали.

Приводить в этой связи пример кажется излишним, ввиду огромного объема имеющихся источников. Важно лишь подчеркнуть, что в этом случае мы оказываемся перед лицом отдельных, легко угадывающихся кусочков мозаики, которые достаточно легко составить в общую картину: эта мозаика может просто украсить стену, а может и проиллюстрировать многие другие явления.

После второй мировой войны, из-за ускорения всех процессов коммуникации, дипломатические документы уже почти не поддаются расшифровке. Конечно, нет недостатка и в длинных политических сочинениях. Достаточно вспомнить, например, о манере писать донесения итальянца Пьетро Кварони, который не упускал возможности обогатить свою корреспонденцию неисчерпаемыми личными наблюдениями, или, чтобы привести более известный пример, о «длинной телеграмме» Джорджа Кеннана госсекретарю Бернсу от 22 февраля 1946 г., которая оказала столь существенное влияние на пересмотр американской политики по отношению к Советскому Союзу и которая затем стала наиболее полным выражением доктрины «сдерживания». Однако теперь такие документы можно назвать редкими исключениями. В качестве примера, более отвечающего реальности, можно привести один из первых американских дипломатических документов, выбранный из числа многочисленных аналогов

и относящийся к 1955 г. Речь идет о телеграмме помощника госсекретаря в американское посольство в Риме. Она гласит: «3849. Ref. Rome 4430 and 4431 May 29 rptd Paris, London, Luxembourg, Brussels, Bonn, the Hague unnumbered...». Текст документа состоит из цифр и аббревиатур, которые можно легко расшифровать, несмотря на первое впечатление от телеграммы, как от бессмыслицы. Именно синтетический характер письма, который ведет даже к пропуску гласных букв, чтобы максимально сжать время и пространство, очень красноречиво свидетельствует об изменении природы дипломатического источника, а значит, и об изменении его восприятия.

Эти документы, как и исторические источники вообще, различаются по своей форме и структуре, поскольку отражают политические, экономические и технологические изменения в обществе, произошедшие в результате волны изменения производственного процесса, которая в первую очередь затронула сферу информации, а также его общие несущие опоры: финансы, торговлю, сферу валюты, политические системы. Считать, что мир дипломатии и международных отношений остался статичным и не претерпел никаких изменений, полагать, что дипломатическая деятельность – это «уникум», который не меняет свои правила, оставаясь верным протоколу, противодействующему всему новому и терпимому только к незыблемости древних правил, не важно, касаются ли они формы или существа, делать вывод, что дипломатия -- это тело, глухое к грому изменений и потому изолированное, ничего не значащее для понимания современной социально-политической жизни, только на том основании, что в дипломатической деятельности некоторые чисто церемониальные формальности приобрели значимость юридического принципа при заключении договоров или характер традиции, говорит о том, что человек никогда не читал современных дипломатических источников или намеренно закрывал глаза на многие проблемы, поднимающие трудные вопросы интерпретации. Первым из них является вопрос о взаимосвязи внешней и внутренней политики, вторым – вопрос о взаимосвязи международной системы и национальных политик: от этих трудных тем ученые часто стараются уклониться, используя в качестве щита формулу взаимного отталкивания указанных понятий или обращаясь к не всегда убедительным или устаревшим теориям.

Дипломатические источники и историография

Напротив, дипломатические материалы так же, как любые другие формы исторических источников, включают элементы, помогающие документировать целый ряд явлений: политические отношения между государствами (как за долгое, так и за короткое время); динамику сопутствующих обстоятельств (это могут быть моменты острой международной напряженности или главные критические стадии переговоров самой разной природы); то представление о местной реальности, которое складывается у аккредитованных в ней дипломатов – людей, как правило, высокой культуры и профессионализма (их наблюдение также может быть либо долговременным, либо эпизодическим); фигуры главных действующих лиц, то есть авторов переписки, в роли политических деятелей, их видение проблем и ситуаций и то, как они сами воспринимались своими собеседниками. Здесь можно приводить нескончаемую казуистику, для иллюстрации которой достаточно и одного при-

мера: тот факт, что Муссолини – дипломат воспринимался иначе, чем открыто или в узком кругу воспринимался Муссолини – площадной диктатор. Далее, эти источники сообщают дополнительные данные о жизни тех стран, в которых протекает миссия: иногда их можно назвать спорными, иногда же – драгоценными, поскольку они могут подтвердить или опровергнуть слишком скудную документацию. Лишь еще один показательный пример – подготовка плана Маршалла: для понимания мотиваций одного из главных поворотных решений, принятых американцами после второй мировой войны, помимо знания общих политико-экономических стратегий, оказывается весьма важным вклад данных американских дипломатических источников, которые существенно дополняют и проясняют картину.

И еще, дипломатические источники свидетельствуют о культуре авторов отдельных документов и о культурном качестве их собеседников – соотечественников и иностранцев. А значит, они помогают понять их менталитет, модели поведения, стереотипы, предубеждения, склонности и так далее. Наряду с культурой отдельных участников – культуру политической акции. В этих источниках часто присутствует анализ необходимости подкрепить, с более или менее прагматическими целями, политическое действие действием культурного проникновения или культурного присутствия. Мы ничего бы не поняли в британской политике Содружества Наций, во французской политике в Северной Африке или на Ближнем Востоке, в политике Соединенных Штатов в Европе и в мире (USIS), в политике СССР, несущей на себе яркую идеологическую печать, и в политике самой Италии, если бы не принимали во внимание вклад дипломатических источников, подтверждающих, что, пусть в четко установленных рамках, культурная политика является мощным инструментом воздействия. Аналогичное рассуждение можно было бы провести в отношении всей совокупности мигрирующих явлений, как чисто экономических, так и политических, чтобы перечислить все возможности, открывающиеся перед ученым, который без предубеждений подходит к дипломатическим источникам и умеет в специфической природе документа безошибочно находить существенную и отбрасывать случайную информацию.

Итак, более чем очевидно, что категория «дипломатические источники» составляет во всей своей совокупности мощный информационный корпус для любого, кто пожелает углубиться в историческое исследование, независимо от содержания и методологических особенностей последнего. Отказаться от них из предубеждения значит сделать самому себе ампутацию. То же самое и в случае микроистории. Если кто-нибудь возьмется за труд исследовать всю имеющуюся документацию по процедуре, отношениям, правилам, ситуациям, настроениям, орографическим проблемам, семейным или родовым спорам, различиям цехового поведения, проявившимся во время непростого принятия Берлинским конгрессом 1878 г. ряда решений по поводу определения пограничных линий между Оттоманской империей, с одной стороны, и Грецией, Албанией, Черногорией и Болгарией, с другой стороны, он найдет в этих документах бесконечное количество микроисторий. Он не найдет ничего другого, как местные реальности, сформированные из местных проблем, легко поддающиеся вычленению именно благодаря своей локальной природе, но которые историк международных отно-

шений составляет в общий синтез по теме выполнения Берлинских соглашений. Разные *истории*, следовательно, накладываются друг на друга, и каждая из них имеет свое право на существование. Критическим моментом является то, что, как я говорил в начале, ни одна из них не должна претендовать на первенство, игнорировать информацию, поступающую из параллельных исследований, изолироваться в своей специфичности. Человеческий род оставляет за собой всевозможные следы своей деятельности, и они могут быть ничтожными и темными, а могут быть роскошными и элегантными, но все вместе помогают составить то немного, что человеческий ум в состоянии воссоздать и что принято называть исторической наукой.

История дипломатии и история международных отношений

Не подлежит сомнению, что дипломатические источники по определению служат в первую очередь истории дипломатии и истории международных отношений. Однако и в этом случае следует проводить четкую и аккуратную границу, не поддаваясь искушению, столь по несчастью частому, воспроизвести здесь известные историографические стереотипы, существующие только как формы карикатуры или методологической «наивности», за которыми скрываются лень и косность ума.

Дипломатические источники служат для того, чтобы понять историю дипломатии. Но что понимается под историей дипломатии? Использовать статическое определение этой дисциплины невозможно – с этим согласится любой, кто следил за нашей аргументацией. История дипломатических отношений занимает определенный объем, постепенно совершенствуются ее техники, отводится место для роли отдельной личности, с течением времени меняется социальный состав ее участников. Если у истоков *Европейского Соглашения* дипломатия, судя по всему, ограничивалась рисунком из нескольких линий, каждая из которых вела к персонажу, непременно прочно связанному с династической традицией и принадлежащему к аристократическому миру, и этот дебют легко представить в виде пресловутого «напудренного и накрахмаленного» мира, равно обсуждающего пустяки и судьбы народов, не слишком заботясь о том, приведут ли сказанные слова к развязке великих событий или останутся пустой светской болтовней, то постепенно диалог уплотняется, а отношения становятся более глубокими, поскольку меняются производительные процессы, социальный состав дипломатии, содержание дипломатической работы, а вместе с ними и характер истории дипломатии.

Очень часто в социальной однородности дипломатического корпуса историки усматривают удобную мишень для критики. Это предубеждение заслоняет собой тот факт, что состав дипломатии начинает меняться по крайней мере с последних десятилетий XVIII в. Соединенные Штаты по определению не имеют дипломатического корпуса «аристократов»; монархи эпохи просвещения любят включать в регулярный дипломатический корпус «почтенных авантюристов», по большей части итальянцев, которыми часто оказываются обедневшие аристократы, а еще чаще – интеллектуалы, желающие наполнить конкретным содержанием свой космополитизм; дипломаты революционной Франции лишь по случайному совпадению оказываются из породы аристократов, а дипломатия либеральной Европы, сформировавшаяся после 1830 г., все меньше подчиняется

правилу сословной принадлежности. Наконец, в современном обществе различия, основанные на критериях социальной принадлежности, еще могут иметь некоторый вес в европейских странах, но не имеют смысла в странах, реально доминирующих в международной жизни: в Соединенных Штатах и Советском Союзе. Мы не будем здесь, впрочем, говорить о необоснованности тех утверждений, которые ограничивают роль дипломатии социальными рамками, и, следовательно, о радикальном изменении значимости дипломатической работы в результате смены действующих лиц и эволюции внешней среды. Новую историю дипломатии практически невозможно связать с первоначальной историей дипломатии, кроме как посредством внешних аналогий. За исключением, может быть, случая, когда отдельный исследователь положит в основу своей работы с источниками один единственный критерий – хронологической последовательности – и вздумает составлять документы как реплики одной бесконечной комедии, у которой нет ни начала, ни конца, ни какой бы то ни было сюжетной линии.

Дипломатические источники служат также для того, чтобы понять Историю международных отношений, которая отличается от предыдущей именно своей концепцией, расширяющей область исследования в рамках взаимозависимого общества от профиля международных отношений (уже имеющих самостоятельную значимость и самодостаточность) до профиля исследования всего того, что касается отношений между субъектами, разделенными политическими границами. Здесь никогда не может быть опасности обратной тенденции. С того момента, как практически ничто невозможно удержать в рамках границ и все, непосредственно или через телевизионные программы новостей, становится достоянием мирового сообщества, появляется риск, что под такое объемное определение подпадут самые несходные явления: от собственно политических до демографических и спортивных, создав при этом мешанину из тем, приближающую нас к тому типу всеобщей истории, который еще в самом начале был назван противоположностью исторического понимания и синонимом историографического авантюризма. С другой стороны, попытка указать четкие рамки сферы исследования также весьма рискованна, поскольку доказать, что даже самые невинные международные отношения (например, туристические) имеют политические коннотации, не представляет сегодня ни малейшего труда. Так что решение заключается в самой природе замысла отдельного исследователя, в необходимости поставить четко выявленные проблемы и попытаться взглянуть на них, как на явления истории международных отношений. Парадоксально, но даже если не выходить за рамки одного типа источников (дипломатических документов), мы увидим, что, в то время как на заре истории дипломатии можно было задохнуться от скудости материала, сегодня есть реальная опасность утонуть в его изобилии.

Категорически необходимо, следовательно, указать хотя бы одно из возможных направлений. Кстати, следует подчеркнуть, что, несмотря на возросшее внимание к другим аспектам исследования, интерес к политической стороне истории международных отношений все еще заметно преобладает. Сегодня важно не просто восстановить элементы дипломатического диалога в виде последовательности вопросов и ответов, а в каждом изменении международной системы, в эволюции формул, которые его характеризуют, в соглашениях, которые его сопровождают, в кризисах, которые его отмечают, суметь выделить проблемы, имеющие

для него существенную значимость. Другими словами, необходимо наметить проблемные линии и попытаться уловить логику их развития, продиктованную не последовательными развертками (остающимися в любое время спасительными зацепками, с которыми можно связать любую аргументацию), а отдельными частями, которые способны составить целостную интерпретацию. Вопрос ставится как необходимость выстроить такое повествование, которое следило бы за эволюцией форм и структур, лежащих в основе прошлой и современной международной жизни, а также использовать источники, не становясь их жертвой, но обращаясь с ними как с орудием собственной работы.

Классификация дипломатических источников

С формальной точки зрения дипломатические источники можно разделить на две большие категории: официальные и неофициальные, или частные. К первой категории принадлежат источники, непосредственно выпускаемые органами государственного субъекта; ко второй категории принадлежат источники, выпускаемые частными лицами. Короче говоря, официальные источники – это по преимуществу дипломатические документы в узком смысле слова, а неофициальные источники в большинстве случаев представлены мемуаристикой.

Официальные источники могут быть *изданными* или *неизданными*. Неизданные источники хранятся в государственных архивах или в исторических архивах министерств иностранных дел. Однако, бывает и так, что они хранятся во многих других местах. В США, например, кроме *Национального Архива* и его отделений, существуют *Президентские Библиотеки*: в них хранятся документы, которые собрали американские президенты о своей персональной общественной и политической деятельности. Кроме того, эти библиотеки содержат многочисленные дары важных политических людей и, следовательно, предоставляют богатые возможности для параллельных исследований по неофициальным источникам. Опыт создания президентских библиотек связан прежде всего с именами Ф.Д. Рузвельта, чья библиотека и архив находятся в Гайд-парке, в штате Нью-Йорк; Гарри С. Трумэна с его личным архивом в Индиане, в штате Миссури; Дуайта Д. Эйзенхауэра, чья персональная библиотека расположена в Абилене, в штате Канзас; и Джона Ф. Кеннеди, оставившего свой архив в Бостоне, в штате Массачусетс. Свои библиотеки собрали также и другие президенты, в частности, Линдон Б. Джонсон, Ричард М. Никсон, Джеральд Р. Форд. Джеймс Э. Картер и Рональд Рейган. Американскому примеру последовали многие европейские политики, которые для хранения своих личных архивов, часто содержащих общественные акты, создавали за свой счет специальные учреждения. Бумаги де Голля хранятся в фонде, который носит его имя («Фонд Шарля де Голля»); бумаги Вилли Брандта хранятся в фонде Фридриха Эберта («Фридрих Эберт Штифтунг»). Многие государственные деятели Великобритании подарили свои бумаги университетам и колледжам. Иначе говоря, наряду с официальными архивами существует серия частных архивов, которые содержат бумаги, представляющие общественный интерес.

Как правило, доступ к документам, с целью получения справки или подготовки публикации, регулируется нормами, которые в разных странах неодинаковы. Обычно действует правило, согласно которому нельзя обращаться за справкой к документам, не преодолевшим порог тридцати- или пятидесятилет-

ней давности. В Италии существует норма, устанавливающая эти рамки на пятидесяти годах, но фактически общественные и частные архивы открывают документы, вышедшие тридцать и даже меньше лет назад; в США есть правило, запрещающее доступ к бумагам, датированным двадцатипятилетним сроком давности, но благодаря специальному закону (*Freedom Of Information Act*) есть возможность увидеть даже документы, вышедшие всего лишь десять лет назад.

Что касается казуистики документов, очевидно, что каждый из них имеет свои внешние формальные черты. Самым важным и торжественным документом является обычно *Соглашение*. Соглашение представляет собой итог длительного переговорного процесса. Обычно оно состоит из протокола (или первой части), в котором указываются имена подписавших его сторон, включая их церемониальные титулы либо титулы их законных представителей, затем *преамбулы*, в которой указываются общие политические задачи и предпосылки самого соглашения, и, наконец, ряда статей, излагающих само содержание соглашения. Существуют разные типы соглашений, и их политическое содержание указывается в главных статьях. В договорах о дружбе, например, будут излагаться обязательства, взятые на себя сторонами, чтобы благоприятствовать подписанной дружбе; в договоре об альянсе обычно указывается так называемый *казус федерис*, то есть событие, которое послужит поводом для того, чтобы вошел в силу оборонительный пункт соглашения. Соглашения могут содержать пункты общего или специального сотрудничества. Обычно в последних статьях соглашения указывается длительность его действия и способы его погашения или обновления. Иногда соглашения предусматривают создание специальных организаций для органичного выполнения договоренностей.

Несмотря на важность соблюдения формальностей, очевидно, что соглашение составляет наивысший и исключительный момент международной жизни. Он представляет собой попытку кристаллизовать отношения между двумя и более странами в определенный момент истории. Этим объясняется, почему иногда в соглашения включаются формулы или пункты с двусмысленным содержанием. Обычно двусмысленный пункт призван выразить ту идею, которую нельзя четко определить на момент заключения соглашения и окончательное истолкование которой, следовательно, откладывается на последующее время. Именно поэтому гораздо важнее соглашений оказывается обычная дипломатическая документация, которой поручена задача поддерживать постоянный информационный поток между метрополией и различными пунктами аккредитации дипломатического корпуса. В этой связи нужно учитывать, что радикальные технологические изменения оказывают большое влияние на природу документов. Не только длинные отчеты венецианских послов сейчас уже лишь воспоминание о прошлом, но и *рапорты*, с помощью которых еще несколько десятилетий назад послы или дипломатические представители сообщали своему правительству новые факты внутривнутриполитической жизни иностранного государства, сейчас составляют исключение. Современные дипломатические коммуникации все чаще происходят посредством электронной почты, телефона, телефакса, электронной почты, через закодированные, зашифрованные или проявляющиеся телеграммы. Кажется ясным, что эти источники нового поколения создадут серьезные проблемы при изучении тех периодов, когда наблюдается спад дипломатической активности, потому что материалов может ока-

заться недостаточно. Тем не менее, вплоть до нескольких десятилетий назад рапорты составляли львиную долю дипломатической документации. Периодически, когда возникала срочная ситуация, между министром иностранных дел, главой государства и его представителями за границей устанавливалась плотная дипломатическая переписка. В этой документации можно найти и бесконечные сведения о конкретных разногласиях, и общую информацию о политических условиях государства, в котором аккредитован посол.

Очень часто в соглашениях и дипломатических документах используется выражение «агрессия». Под агрессией обычно понимается неоправданное нападение, в результате которого вступает в силу *казус федерис*. Естественно, не всегда можно однозначно установить государство-агрессор, так как могут иметь место запутанные ситуации или конфликты, возникшие из-за целой цепочки событий. Очевидно, в этих случаях только историческая критика сможет установить истинную причину войны.

Стоит отметить, что международные соглашения не всегда юридически оформляются как таковые. Очень часто вместо формализованного заключения договора происходит так называемый «обмен нотами». По окончании переговоров, на которых устанавливаются рамки и содержание документа, один субъект международной системы направляет другому субъекту ряд статей, оформляя их как традиционную дипломатическую ноту. Адресат возвращает этот документ, подтверждая, что он согласен с его содержанием. Обычно так поступают, когда хотят подписать договор, не придавая ему формы соглашения, чтобы избежать необходимости ратифицировать документ в парламенте. Сейчас, когда конституции многих государств требуют обязательной ратификации всех соглашений, практика обмена нотами становится почти регулярной процедурой в международной жизни. К ней обращаются также в том случае, когда стороны намереваются ограничить формальную значимость заключаемого договора или не подвергать его широкой огласке в дипломатических кругах или в политическом мире вообще; здесь надежность обмена нотами оказывается очень ценной.

Другой способ оформить соглашение, достигнутое двумя или более сторонами, – это представить его содержание в форме финального коммюнике переговоров. Практически все финальные коммюнике крупных встреч в верхах во время второй мировой войны являются выражением достигнутых договоренностей, и их значимость близка значимости соглашений, хотя и можно оспорить их действительную силу.

Несмотря на то, что формально соглашения являются самым важным дипломатическим документом, они, как уже говорилось, представляют собой достаточно редкие моменты в международной жизни. Дипломатическая деятельность обычно состоит в непрерывном потоке другой информации, передаваемой другими типами документов. Здесь необходимо учитывать, что природа документов, которыми обмениваются дипломаты, глубоко изменилась с течением времени и с изменением информационных технологий. Очевидно, что рапорты дипломатов XVI, XVII, XVIII вв. не могли добраться до адресата раньше определенного срока, обусловленного расстоянием между местом отправки и местом назначения. Иногда эти документы находились в пути многие недели, если не многие месяцы. Поэтому дипломатические до-

кументы прошлого обычно представляли собой длинные отчеты, в которых все вопросы собирались, обобщались и анализировались с таким расчетом, что адресат сможет на них ответить только через какое-то время. В эру телефона, телеграфа, факса и, тем более, электронной почты это навсегда ушло в прошлое. Долгая и содержательная переписка, которую поддерживали между собой традиционные дипломаты и которая, в некотором смысле, составляла отдельный литературный жанр, сегодня уже невозможна. Современная корреспонденция состоит лишь в кратчайших обменах мнениями и инструкциями по конкретным темам. Историк, который использует прежние дипломатические источники, существовавшие до наступления революции средств коммуникации, и историк, который использует современные дипломатические документы, должны принимать во внимание существенное различие условий своей работы, из которого вытекают очень важные последствия. Нужно, кроме того, добавить, что в дипломатической традиции, сохранявшейся до начала первой мировой войны и в межвоенный период, встречи в верхах являлись событиями исключительной важности и на долгое время определяли характер отношений между заинтересованными сторонами. Наоборот, сегодня скорость коммуникаций позволяет очень часто проводить и встречи в верхах, и периодические советы министров разных международных организаций, и т.д. Другими словами, можно заметить, что на смену традиционной дипломатии и традиционной интерпретации выпускаемых ей документов пришла новая дипломатия, имеющая совершенно другое лицо, которая, может быть, действует такими же методами, как в прошлом, но оставляет при этом свидетельства совсем другого рода. Сегодня может оказаться важнее, например, вербальный процесс встречи в верхах, чем ежедневная переписка различных дипломатов. Естественно, к этому вопросу нужно подходить взвешенно, поскольку эти модификации могут допускать значительное число исключений.

И все же, вплоть до окончания второй мировой войны дипломатическая корреспонденция продолжала оставаться источником большой значимости для любого политического исследования международных отношений. Эти источники представлены *докладами* или *рапортами*, которые каждый дипломат, аккредитованный в определенном месте, посылал собственному министру иностранных дел, а в качестве ответа обычно получал инструкции. Рапорты и инструкции можно определить, как фундаментальные элементы дипломатической деятельности. Однако, этот тип источников должен использоваться с большой осторожностью. В первую очередь, нужно учитывать тенденцию дипломата присваивать себе ту точку зрения, которая распространена в месте его аккредитации. Речь идет о закономерной и объяснимой деформации, на которую историк должен делать скидку. Другая деформация вызвана природой политической системы, к которой принадлежит дипломат. Например, в условиях диктатуры дипломат стремится выражать только те мнения, которые, как он знает, будут благосклонно восприняты адресатом. Навязывать свою оценку или точку зрения он будет очень осторожно и во всяком случае крайне редко. Очень много здесь, впрочем, зависит от личности отдельного дипломата, и изучение этого аспекта составляет одну из интереснейших глав как в истории внешней политики отдельных стран, так и в истории международных отношений в целом.

С течением времени все эти формы дипломатической коммуникации приобрели более скоростной характер. Сейчас дипломаты обычно составляют сжатый обзор своей деятельности, докладывают об определенной беседе, которая имела место, и составляют к ней краткую аннотацию, которая называется *меморандумом беседы*. Эта сфера деятельности теперь уже не обязательно является прерогативой большой международной политики: по мере того, как усложняется окружающая нас реальность, рассмотрение многих проблем передается в специализированные международные органы или в региональные инстанции. Поэтому все чаще оказывается, что высшие дипломатические чины поручают составление конспектов и меморандумов дипломатам более низкого ранга, тем, чье мнение пользуется у них авторитетом и может лечь в основу принимаемых решений.

Наконец, нужно уточнить, что в современную эпоху документы практически не передаются в обычном виде, а переводятся на шифрованный язык или по крайней мере засекречиваются. Следовательно, при их расшифровке или рассекречивании могут иногда возникать технические проблемы интерпретации. Со времен франко-прусской войны 1870-1871 гг. и особенно после первой мировой войны историки и политики начали активно проявлять свою заинтересованность в том, чтобы установить степень своей и чужой ответственности в развязывании только что закончившегося конфликта. Чтобы лучше понять суть определенного момента международной политики или действия, совершенного каким-либо субъектом международной системы, нужна была документально подтвержденная информация. Так возникла идея публиковать дипломатические документы, которые начали выходить в крупных тематических или общих сборниках под редакцией специалистов.

Другие источники истории международных отношений

Все вышеперечисленные источники истории международных отношений принадлежат исключительно к сфере дипломатии. С одной стороны, они составляют богатство ученого, а с другой, заключают в себе большую опасность. Дипломатические документы подробно описывают политический процесс, и потому они богатство, однако обилие материала подталкивает ученого к тому, чтобы идти самым, на первый взгляд, легким путем. Кажется, что последовательность документов сама по себе, всей своей природой, подсказывает ответы на вопросы историка. Иначе говоря, существует опасность, что историк может погрузиться в море дипломатических источников, позволяя им взять над собой власть, и будет ориентироваться только на хронологический критерий. Ход времени в этом случае становится объяснительным элементом исторического процесса. Если учитывать данное обстоятельство, следует также добавить, что предлагаемый здесь анализ дипломатических источников заключает в себе другую опасную тенденцию – абсолютизацию дипломатических документов как главного и исключительного источника для изучения истории международных отношений. Это та критическая отметка, которую очень важно преодолеть. Действительно, история международных отношений тем и отличается от истории дипломатии, что она сочетает дипломатический профиль исследования с рядом других аспектов и анализирует международную жизнь во всех ее многогранных проявлениях. Конечно, всегда приходится выбирать определенный угол зрения и

обозначать его, как центральный аспект анализа. В истории международных отношений в качестве центрального обычно выбирают политический аспект, как самый глубокий и синтетический. Однако, это не освобождает от необходимости принимать во внимание весь комплекс других источников.

Поэтому наряду с дипломатической документацией историку, наверное, следует изучать данные, касающиеся прежде всего экономического и демографического развития определенного региона или народности. В подтверждение скажем лишь, что демографический фактор, начиная с конца XVIII в., постепенно принимает все более широкие масштабы, пока в конце XX в. не становится одной из центральных проблем международной жизни. В мире до сих пор не существует достаточно обширного и исчерпывающего собрания демографических данных, несмотря на то, что деятелями исторической демографии был накоплен достаточно большой материал. Более или менее систематические сведения начинают поступать с конца XIX в., особенно после создания Лиги Наций, когда крупные международные организации вводят в обиход практику периодической публикации каталогов, содержащих данные демографии, экономического развития стран, движения торговых потоков и капиталов, на основе глобальной шкалы измерения. Таковы элементы, которые позволяют обогатить картину, представленную дипломатической документацией.

Методология использования источников

Исследователь оказывается, таким образом, перед неодинаковым количеством источников для своей работы. В отношении более древних эпох эти источники могут быть немногочисленны и однообразны; в отношении более современных эпох эти источники практически безграничны, так, что почти не поддаются учету. Историк, который вздумал бы критически обработать весь комплекс имеющейся информации, был бы, несомненно, обречен на провал. Таким образом, именно перед учеными, занимающимися проблемами современной истории, возникает проблема выбора. Эта проблема всегда касается работы историка, потому что именно в выборе источников состоит большая часть предварительного процесса историографического исследования. Создавать ткань историографического повествования означает прежде всего делать выбор. В противном случае исследователя накрывает лавина источников, и тогда он позволяет им влиять на свои решения или, еще хуже, диктовать собственные исследовательские гипотезы. Логика следования должна быть обратной. В первую очередь сам историк должен поставить перед собой ряд значимых и существенных для анализа вопросов, а затем, на материале источников, проверить их содержание, значение, степень важности и динамику развития.

Историк, который позволяет источникам взять над собой верх, возможно, идет по самому легкому пути. Документы, расположенные в строгой хронологической последовательности, будь то в архиве, каталоге, газете или любом другом месте, где систематизированно хранятся источники, почти бессознательно подсказывают ученому упрощенный хронологический подход. Достаточно раскрыть содержание отдельных документов, развития содержащийся в них зародыш повествования, приукрасив его, может быть, эффективными риторическими приемами, и можно считать, что работа по историческому исследованию готова. Однако, все, что делалось по такой схеме, нельзя иначе назвать, как ремесленной работой, или работой портного, который сшивает вместе множество разнообразных элементов повествования, связанных между собой только хроноло-

гически. Проблемы никогда не развиваются в одном хронологическом аспекте. Это не значит, что его не нужно принимать во внимание. Совершенно очевидно, что нельзя объяснить определенные события при помощи документов более позднего времени (за исключением тех случаев, когда эти источники помогают осветить уже имеющиеся знания). Но хронологический критерий, примененный изолированно, не позволяет увидеть важные проблемы; более того, он топит их в море времени, не позволяя выплыть на поверхность.

К несчастью, подобная практика довольно распространена, особенно в области истории дипломатии. Кажущаяся логичность правильного хронологического расположения источников подсказывает логику развития проблем во времени. В действительности же эта законченность и полнота оказываются поверхностными и не способны объяснить внутреннего смысла событий. Ученый-историк выступает здесь в качестве пассивного субъекта, над которым довлеют источники, вместо того, чтобы вести себя, как активный разум, который обращается с источниками по-хозяйски, поворачивая их смысл так, как этого требует его исследовательская гипотеза. По-разному истолковывать смысл не значит фальсифицировать. Это значит так расположить источники, чтобы доказать либо обоснованность, либо необоснованность той или иной рабочей гипотезы. Другими словами, ни источники, ни гипотезы ученого не являются истиной: не они составляют историю. История – это прошлое, которое нельзя повторить, но которое нужно попытаться объяснить, восстановить, понять, рассказать, формулируя гипотезы. Источники подтверждают правильные гипотезы и лишают права на существование неправильные. Задача историка в этом случае – собрать целый веер гипотез, который позволил бы ему двигаться в оптимальном направлении, как с точки зрения логики, так и с точки зрения документального подтверждения своих идей.

Проблема становится тем более сложной, чем больше совершается попыток определить логический процесс формулирования ценных научных гипотез, обладающих объяснительной силой. Каковы элементы, которые помогают сориентировать построение таких гипотез? Если исключить так называемую «историографическую интуицию», которая представляет собой не что иное, как дилетантизм, и говорит о нежелании идти по трудному пути строго научного анализа, таких элементов, вероятно, будет три:

а) культурные интересы ученого, накопившего определенное количество вопросов, которые требуют ответа;

б) общее состояние историографического исследования, то есть поиск проблем, которые историография случайно или намеренно оставила нерешенными;

в) необходимость постановки принципиальных вопросов перед источниками, на базе личного интереса или объективного состояния научных знаний. Обычно этому служат научные обобщения, которые направляют ученого по пути экспериментирования в определенных областях и помогают ему ставить перед источниками действительно значимые вопросы. Речь идет, как это ясно, о весьма деликатном моменте. Точка пересечения между историей и наукой вообще предполагает существование историографии и остальной области научных знаний, достаточно четко разделенных между собой. В случае с историей международных отношений это не так. Тем не менее, нельзя отрицать, что теория международных отношений уже разработала целый ряд значимых вопросов, которые могут и, вероятно, долж-

ны руководить работой историка. Достаточно вспомнить о почти автоматическом употреблении термина «международная система», который, между прочим, предполагает наличие выраженных или невыраженных правил, основанных как раз на значимых вопросах. Система может быть двухполюсной, полицентричной, олигархической и так далее. Она может характеризоваться высоким или низким уровнем конфликтности; может быть стабильной и уравновешенной или нестабильной и открытой конфликтам. Одного этого примера достаточно, чтобы продемонстрировать перспективность проблемного подхода к изучению истории международных отношений (как и вообще к изучению любого другого типа истории).

Более технический разговор касается критики источников. Они не могут быть использованы без должной осторожности, с учетом индивидуальной природы каждого конкретного источника и его характерных черт. Этот вопрос, принимая во внимание его чисто технический характер, заслуживает отдельного рассмотрения в отдельной статье. Тем не менее, еще раз подчеркнем, что, когда речь идет о методах использования источников, необходимость обращать строгое внимание на природу изучаемых документов составляет для историка категорический императив.

Итак, историк действует на основе рабочих гипотез. Нередко такие гипотезы возникали под влиянием господствующих в обществе идеологий, которые их подсказывали, превозносили или отвергали, отталкиваясь от собственной аналитической базы. Сегодня было бы слишком рискованно и ошибочно отрицать ценность идеологий как инструментов познания. Идеология – это синтетическая форма интерпретации действительности, которая поэтому включает в себе интуитивные догадки, познавательные и объяснительные элементы, которые историк должен учитывать, во-первых, для полноты воссоздаваемой картины, а во-вторых, для глубины формулируемой им проблемы.

Развивать какую-либо тему означает пытаться строго аргументировать формы, модели, способы, характеры, этапы ее состояния и развития в определенный период времени. Последующая фаза работы представляет собой процесс динамического взаимодействия этих и других элементов. Динамическое развитие означает повествование. Историография не может избежать повествования. Однако в историографии «повествовать» не означает рассказывать анекдоты и вообще выставлять на первый план элементы, которые служат привлечению дешевого читательского интереса. Это означает прежде всего придать изложению характер логически связного и доступного пониманию текста, не злоупотребляющего профессиональным жаргоном. А строгость и точность в ссылках и в аннотациях являются, по замечанию Э. Карра, не *заслугой* историка, но его *долгом*.

Наконец, разработать терминологический аппарат проблемы, логически аргументируя и рассказывая о ее развитии, означает объяснить определенный порядок вещей. О чем бы ни шла речь – дипломатическом кризисе, международном конфликте, экономическом разногласии или каком-либо другом аспекте истории международных отношений – постановка проблемы требует, чтобы в итоге ученый представил ее объяснение. Решение проблемы, или же ответ на нее, – это объяснения научного характера. Научность истории как раз и состоит в ее способности поставить проблему, раскрыть ее и строго аргументировать, объясняя свойственные ей черты, природу и развитие.